

Хаос реформ, культурная травма и патология сознания

Выходец из России и основоположник американской социологии Питирим Сорокин еще в 30-е годы прошлого века предвидел, что мировой кризис конца века разыграется в трех срезах культуры — мышлении, социальных формах и внерациональных измерениях духовной сферы. Конкретных проявлений он представить себе не мог, но оценивал предсказанный им кризис как катастрофу.

Сегодня именно как катастрофу нам в России необходимо рассматривать происходящее «падение в бездну», не пытаясь объяснить его отдельными ошибками или преступлениями. Конечно, надо описывать и анализировать каждый «срез» этого кризиса

в отдельности — экономический, политический, демографический и иные, но такие описания будут принципиально неверны, если изолировать их от общего поля — того странного превращения, которое происходит с человеком, с его мышлением, совестью, культурой. Последние десятилетия показали, что человек гораздо более пластичен, чем предполагала антропология модерна. Более того, в процессе быстрых социальных изменений возникает синергическая система социальных форм и психического состояния людей, кооперативные эффекты в которой настолько сильны, что происходит быстрое «переформатирование» ценностей, рациональности и образа действий больших

масс людей. В России за последние 20 лет они пришли в такое состояние разума и совести, что все общественные институты перестали выполнять свои привычные функции. Возникла особая система порочных кругов и лавинообразных процессов разрушения и деградации.

Жизнеспособность страны, как и боеспособность армии, определяется прежде всего духовным состоянием личного состава. Конечно, важна и материально-техническая часть, но если отказали разум и совесть, не помогут ни танки, ни нефтедоллары. Все будет разворовано и пущено с молотка. Да, в такое состояние народ или армию повергают правительства и генералы, но после некоторой пороговой точки деградация входит в режим самовоспроизводства, иногда и с ускорением. И тут даже честное правительство и мужественные генералы не справятся, если не сломают ту систему, которая запустила и разгоняет маховик деградации.

Как можно сегодня охарактеризовать духовное состояние «личного состава» России? Представление о человеке у нас до сих пор проникнуто верой в устойчивость его ценностной матрицы. Мы часто слышим рассуждения о «национальном характере», «русском менталитете», «соборности» и тому подобном, а на деле пришли Горбачев с Ельциным и быстро сломали и русский характер, и советский менталитет. Оказалось, что общество тяжело больно и нет простых и очевидных путей преодоления кризиса. Для того чтобы нащупать пути лечения, нужно прежде всего поставить точный диагноз.

Мы не разделяем крайне пессимистический катастрофизм А.А. Зиновьева, который писал чуть ли не о самоуничтожении российского общества. Тем не менее положение представляется очень серьезным. По нашему мнению, сегодняшнее состояние рос-

Батчиков Сергей Анатольевич — директор Центра проблем управления крупными социально-экономическими системами Международного научно-исследовательского института проблем управления, кандидат экономических наук.

Кара-Мурза Сергей Георгиевич — член Союза писателей, профессор.

В журнале «Экономические стратегии» (№ 12/2010) была опубликована статья С.А. Батчикова — первая из нового цикла очерков на тему «Социокультурные основания кризиса». Статья «Хаос реформ, культурная травма и патология сознания» продолжает начатый разговор на эту актуальную тему.

сийского общества следует охарактеризовать как аномию.

Аномия — это социальная и духовная патология, распад человеческих связей и дезорганизация общественных институтов, массовое девиантное и преступное поведение. Буквально аномия означает беззаконие, безнормность — состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает известные нормы этики и права. Э. Дюркгейм, вводя в социологию понятие аномии (1893 г.), видел в ней продукт разрушения солидарности традиционного общества при задержке формирования солидарности общества гражданского. Запад пережил это состояние в период становления буржуазного общества при трансформации общинного человека в свободного индивида.

На материале американского общества середины XX в. понятие аномии (в очень актуальном для России аспекте) развил Р. Мертон. Он писал: «Порок и преступление — „нормальная“ реакция на ситуацию, когда усвоено культурное акцентирование денежного успеха, но доступ к общепризнанным и законным средствам, обеспечивающим этот успех, недостаточен».

Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения — вот условия возникновения аномии. Целые социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастающую отклоняющегося и саморазрушительного поведения.

Американский социолог Р. Макайвер называет аномией «разруше-

ние чувства принадлежности индивида к обществу». Он пишет: «Человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не существует более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования других людей. Аномичный человек становится духовно стериль-

Сегодня именно как катастрофу нам в России необходимо рассматривать происходящее «падение в бездну», не пытаясь объяснить его отдельными ошибками или преступлениями.

ным, ответственным только перед собой. Он скептически относится к жизненным ценностям других. Его единственной религией становится философия отрицания. Он живет только непосредственными ощущениями, у него нет ни будущего, ни прошлого».

Есть даже такое афористичное определение: «Аномия есть тенденция к социальной смерти; в своих крайних формах она означает смерть общества» [1].

Маргинальные группы, проявляющие склонность к девиантному и криминальному поведению, есть в любом обществе и в любой момент времени. Другое дело — аномия массовая и глубокая. В России, по мнению социологов, лавинообразное нарастание аномии произошло в 1993 г., когда в сознании людей трансформация зашла в тупик. Этот год социологи характеризуют как переломный для российского сознания. «Пик социополитического кризиса вызвал сильнейшую аномию и отчуждение буквально от всех социогрупповых образований и в первую очередь от больших коллективных солидарностей», — пишет Е.Н. Данилова [2].

Пусковым механизмом этого цепного процесса стала «культурная травма». Это понятие было введе-

но в обиход польским социологом П. Штомпкой, который писал: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения... Травма может возникнуть на

биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической дегенерации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее... Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию» [3].

П. Штомпка подчеркивает, что культурная травма — явление очень инерционное, оно может сохраняться и в следующем поколении и дает о себе знать, даже если положение внешне стабилизировалось. Поэтому для компенсации культурной травмы обществу требуется специальная программа реабилитации. Но ни о чем подобном в России сегодня и речи нет. Напротив, господствующее меньшинство непрерывно берedit людям раны, углубляя тем самым культурную травму, — достаточно почитать трактаты околовластных либеральных идеологов.

Вот как описывает последствия перенесенной культурной травмы вице-президент Международной социологической ассоциации Майкл Буравой: «Россия поляризуется... Центр интегрируется в передовые сети глобального информационного общества, про-

винции бредут в противоположном направлении к неофеодализму... Произошедшее в результате реформ резкое ухудшение условий жизни примерно половины населения России, социальная неустроенность людей, устойчивое чувство незащищенности и неуверенности толкнули их к спиритному. Оно стало средством анестезии, ухода от действительности, грозящих трудностей и непосильных забот. Невероятно глубокое разделение общества по имущественному положению повлекло за собой отчужденность. Разруши-

ческие тенденции и способствуя тем самым росту суицидальной активности в этой группе... Усиление бедности, рост безработицы, углубление социального неравенства и ослабление механизмов социального контроля неизбежно ведут к деградации трудовых и семейных ценностей, распаду нравственных норм, разрушению социальных связей и дезинтеграции общественной системы. Массовые эксклюзии рождают у людей чувство беспомощности, изоляции, пустоты, создают ощущение ненужности и бессмыслен-

получить медицинскую помощь даже при острой необходимости составляют основу жизненных страхов и опасений подавляющего большинства бедных», — пишут Н.М. Давыдова и Н.Н. Седова [6].

Для аномии характерна высокая степень инерционности. Социологи отмечают, что даже в годы заметного улучшения экономического положения страны степень проявления аномии снижалась незначительно. Это легко объяснимо, если обратиться к выводам психиатров. Вот что пишет по этому поводу заместитель директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (2010 г.) Ю.А. Александровский: «Затянувшийся характер негативных социальных процессов привел к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Переживания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда — тревожная напряженность и развитие „кризиса идентичности личности“... Развиваются чувство неудовлетворенности, опустошенности, постоянной усталости, тягостное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных» [7].

В этом суждении важное место занимает травма, нанесенная духовной сфере людей, — крушение устоявшихся идеалов, потеря чувства собственного достоинства, оскорбительные жестокость и хамство сильных... Наиболее остро эта проблема ощущается в молодежной среде.

Приведем недавнюю оценку состояния молодежи, также вклю-

Жизнеспособность страны, как и боеспособность армии, определяется прежде всего духовным состоянием личного состава. Если отказали разум и совесть, не помогут ни танки, ни нефтедоллары.

тельной формой протеста стало пренебрежение к социальным нормам. В социальной структуре распадающегося общества возник значительный слой „отверженных“ — люмпенизированных лиц, в общности которых процветают преступность, алкоголизм и наркомания» [4].

Одним из наиболее чутких индикаторов дезинтеграции современных обществ является уровень самоубийств. По стандартам Всемирной организации здравоохранения, уровень, превышающий 20 суицидов на 100 тыс. населения, считается высоким. В областном центре Иваново в 2000–2005 гг. коэффициент суицидальности по завершённым самоубийствам был равен 54 (!), а по суицидальным попыткам — 125 (!). «Депрессивная экономика, низкий уровень жизни и высокая дифференциация доходов населения сильнее всего сказываются на представителях молодежной когорты, порождая у них глубокий „разрыв между нормативными притязаниями... и средствами их реализации“, усиливая аномии-

ности жизни. В результате теряется идентичность, растет фрустрация, утрачиваются жизненные цели и перспективы. Все это способствует углублению депрессивных состояний, стимулирует алкоголизацию и различные формы суицидального поведения. Общество, перестающее эффективно регулировать и контролировать повседневное поведение своих членов, начинает систематически генерировать самодеструктивные интенции» [5].

В России возникла массовая бедность, которая институционализировалась — стала необратимой. Более того, во многих исследованиях делается тревожное предупреждение о том, что в последние годы рост средних доходов населения сопровождался относительным и даже *абсолютным* ухудшением положения бедной части общества (частично из-за массовой потери здоровья этой части населения, частично из-за критического износа материальных условий жизни, унаследованных от советского времени). «Боязнь потерять здоровье, невозможность

чающую социально-психологические факторы: «Для установок значительной части молодежи характерен нормативный релятивизм — готовность молодых людей преступить социальные нормы, если того потребуют их личные интересы и устремления... Обычно такая стратегия реализуется вследствие гиперболизации конфликта с окружением, его переноса на социум в целом. При этом конфликт, который может иметь различные источники, приобретает в сознании субъекта ценностно-ролевой характер и, как следствие этого, ярко выраженную тенденцию к эскалации» [8].

Психологи и социологи пишут о молодежных субкультурах и «группировках», в которых подростки и молодые люди обретают «негативную» (асоциальную и агрессивную) идентичность. Это — разновидность проявлений аномии: «В психологии под негативной идентичностью понимают способ самоутверждения подро-

стков посредством демонстративного нарушения правил и норм, отрицательных образцов для подражания, вызывающее поведение. Сущность негативной идентификации — определение содержания коллективного „мы“ посредством образа Врага, деление мира на „своих“ и „чужих“, возложение ответственности за собственные неудачи на коллективно „другого“. Признаки негативной идентичности — рост ксенофобии и агрессии в социальных действиях, упрощение картины мира, рост политической демагогии, идеологизация общественного сознания, „коллективный цинизм“... Причина распространения данного вида идентификации — „посттоталитарное“ состояние современного российского общества» [9].

В.А. Иванова и В.Н. Шубкин так характеризуют сдвиг массового сознания между 1999 и 2003 гг.: «Усиливается ориентация на готовность к социальному выжива-

нию по принципу „каждый за себя, один Бог за всех“. 30% считают, что даже семья, близкое окружение не сможет предоставить им средств защиты, адекватных угрожающим им опасностям, то есть чувствуют себя абсолютно незащищенными перед угрозами катастроф. Анализ проблемы страхов россиян позволяет говорить о глубокой дезинтеграции российского общества. Практически ни одна из проблем не воспринимается большей частью населения как общая, требующая сочувствия и мобилизации усилий всех» [10].

Дезинтеграция общества, распад человеческих связей с сохранением только семей и малых групп — это и проявление, и следствие аномии. Данные социологических опросов бесстрастно фиксируют состояние массовой фрустрации различных категорий населения, страх за свое будущее, боязнь потерять все нажитое, отказ от планирования своей жизни более чем на один год.

Тему коротких жизненных циклов как важного проявления аномии развивает В.В. Кривошеев: «Социальное беспокойство, страхи и опасения людей за достигнутый уровень благополучия субъективно не позволяют людям удлинить видение своих жизненных перспектив. Известно, например, что ныне, как и в середине 1990-х годов, почти три четверти россиян обеспокоены одним: как обеспечить свою жизнь в ближайшем году.

Короткие жизненные проекты — это не только субъективная расчётливость людьми жизненных планов на непродолжительное физическое время, но и сокращение конкретной продолжительности „социальных жизней“ человека, причем сокращение намеренное, хотя и связанное со всеми объективными процессами, которые идут в обществе. Такое сокращение пребывания человека в определенном состоянии („социальная жизнь“ как конкретное состо-

яние) приводит к релятивности его взглядов, оценок, отношения к нормам и ценностям. Поэтому короткие жизненные проекты и мыслятся нами как реальное проявление аномии современного общества...

В условиях социальной катастрофы сокращение длительности жизненных проектов особенно сильно сказалось на молодом поколении... В условиях, когда едва ли не интуитивно все большее число молодых людей понимает и понимает, что они навсегда отрезаны от качественного жилья, образования, отдыха, других благ, многие из них стали ориентироваться на жизнь социального дна, изгоев социума. Поэтому-то и фиксируются короткие жизненные проекты молодых» [11].

Одно только это проявление аномии блокирует возможность выработки консолидирующего проекта выхода из кризиса — люди *не хотят думать о будущем*. Любые программы политиков повисают в воздухе, ими практически никто не интересуется, поскольку большинство людей живет в коротком времени, они — временщики.

В.В. Кривошеев поясняет: «Поэтому-то и фиксируются короткие жизненные проекты молодых: наркоману бесполезно внушать, что до 30 лет доживает редкий из наркозависимых людей. Ведь больше жить ему просто не надо, он не видит, не может увидеть перспектив для себя в этой жизни. Не случайно, как свидетельствуют оценки экспертов, по сравнению с 1990 г. в 2002 г. число больных наркоманией в России возросло в 10 раз и превысило 2 млн человек. Молодому человеку, который чрезмерно потребляет спиртное, можно сказать спивается, также бессмысленно говорить о жизненных перспективах, «открытости всех дорог». По данным Комитета по безопасности Государственной думы, в 2007 г. в стране было зафиксировано 65 тыс. алкоголиков, чей возраст не превышал 15 лет.

«Укорачивание» жизненных планов затрудняет внутр поколеночное общение, разрушает возможность объединения поколений людей вокруг неких немногих, но весьма важных общих базовых ценностей и установок. Естественно, дистанция между поколениями была и будет всегда. И все же обвальное крушение прежних ценностных предпочтений в начале 1990-х годов вызвало рост отчуждения между поколениями и даже внутри них...

Итак, есть все основания утверждать, что в основе современной дезорганизации российского общества лежит переход к коротким жизненным проектам, что и вызывает аномичное состояние социума, блокирует многие предпринимательские меры по усилению управляемости социальных процессов, преодолению тяжелых последствий 1990-х годов.

В сентябре 2008 г. Институт социологии РАН совместно с фондом им. Ф. Эберта провел исследование фобий и страхов в массовом сознании населения России. Выводы доклада директора Института социологии РАН М.К. Горшкова таковы: «Лидером негативно окрашенного чувства стало чувство *несправедливости* происходящего вокруг, которое свидетельствует о нелегитимности для наших сограждан сложившихся в России общественных отношений (испытывают это чувство часто 38%, иногда — 53%). Еще одно выраженное негативно окрашенное чувство — это чувство собственной беспомощности, невозможности повлиять на происходящее вокруг. С разной степенью частоты его испытывают 84% взрослого населения, в том числе 45% испытывают часто. Чувство беспомощности очень тесно связано с ощущением несправедливости происходящего, образуя в сочетании с ним поистине „гремучую смесь“, изнутри подрывающую и психику, и физическое здоровье многих россиян» [12].

Здесь сказано о той травме, которую реформа нанесла в духовной сфере. Массу людей оскорбила несправедливость. Однако можно говорить о системе оскорбительных действий «элиты» и власти как особой стороне той культурной травмы, которая погрузила общество в аномию. Социальным фактом стало глумление «новых собственников» над тем большинством, которое в ходе реформ было обобрано. Это глумление происходит при благожелательном попустительстве государства (часто с использованием государственных СМИ). Это механизм воспроизводства аномии.

Приведем красноречивый пример из практики проведения аграрной реформы в богатейшем Краснодарском крае. Он иллюстрирует ту духовную атмосферу, в которой вызревали ступки беззакония, как в станице Кущевской.

Случай «мягкий», но красноречивый. Бывший председатель колхоза кубанской станицы Раздольная, на базе которого создан холдинг под его руководством, рассуждает: «На всех землях нашего АО (все земли составляют примерно 12 800 га) в конце концов останется только несколько хозяев. У каждого такого хозяина будет примерно полторы тысячи га земли в частной собственности. Государство и местные чиновники должны обеспечить нам возникновение, сохранность и неприкосновенность нашего порядка, чтобы какие-нибудь... не затеяли

юанс коррумпированной части номенклатуры с организованной преступностью выполнял практические задачи по разрушению политической и хозяйственной систем, а либерально-демократическая интеллигенция создавала идеологическое прикрытие для этих операций. Вследствие этого принятие решений в РСФСР с самого начала происходило под сильным давлением криминальных структур, и этого альянса «бескорыстные реформаторы» разорвать уже не смогли. Скорее всего геополитические противники СССР, бывшие внешним со-

Главной причиной всплеска преступности, по единодушному мнению социологов, стали социальные изменения в ходе реформы. Само по себе это, однако, не объясняет масштабов волны преступности. В этом В.В. Кривошеев видит необычность воздействия реформы 90-х годов на связность общества: «Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности. Аномия в решающей мере выступает в наших отечественных условиях в форме криминализации социума. Криминализация общества — это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия. Преступный социальный мир уже не находится на социальной обочине, он на авансцене общественной жизни, оказывает существенное воздействие на все ее грани.

Дезинтеграция общества, распад человеческих связей с сохранением только семей и малых групп — это и проявление, и следствие аномии.

все по-своему... Конечно, то, что мы делаем, — скупаем у них пай кубанского чернозема в 4,5 гектара за две (70 долл.) и даже за три тысячи рублей (100 долл.), нечестно. Это мы за бесценно скупаем. Но ведь они не понимают... Порядок нам нужен — наш порядок». Бывшим колхозникам он так объяснил суть этого порядка: „Будет прусский путь! А вы знаете, что такое прусский путь?.. Да это очень просто: это я буду помещиком, а вы все будете мои холопы!» [13].

юзником отечественных антисоветских сил, также одобрили криминализацию российских реформ из прагматических соображений (хотя, вероятно, выпуская из бутылки этого джинна, они недооценили его потенциал).

В.В. Кривошеев, исходя из классических представлений о причинах аномии, пишет: «Аномия российского социума реально проявляется в условиях перехода общества от некоего целостного состояния к фрагментарному, атомизированному... Несколько поколений людей формировались в духе коллективизма, едва ли не с первых лет жизни воспитывались с сознанием некоего долга перед другими, всем обществом...

Кроме того, криминализация означает появление таких поведенческих актов, которые прежде лишь в единичных случаях фиксировались в нашей стране либо не отмечались вовсе. Речь идет, к примеру, о заказных убийствах, криминальных взрывах, захвате заложников, открытом терроре против тех представителей власти, которые не согласны жить по законам преступного социального мира. Криминализация на поведенческом уровне выражается и в ускоренной подготовке резерва преступного мира, что связывается нами со все большим вовлечением в антисоциальные действия молодежи, подростков, разрушением позитивных социализирующих возможностей общества...

Крайнее выражение аномии — рост преступности, особенно с применением насилия. По этому показателю Россия опережает другие постсоветские республики. В РСФСР, которая была объединяющим ядром СССР, из политических соображений был принят гораздо более жесткий и разрушительный вариант реформы, чем в других республиках.

Ныне общество все больше воспринимается индивидами как поле битвы за сугубо личные интересы, при этом в значительной мере оказались деформированными пусть порой и непрочные механизмы сопряжения интересов разного уровня. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии» [14].

Для реализации такого варианта к решению политических задач пришлось привлечь преступный мир как наиболее организованную и заинтересованную в создании хаоса социальную силу. Аль-

Роль „среднего класса“ в наших условиях фактически играют определенные группы преступного социального мира. Традиционные группы, из которых складывается средний слой (массовая интеллигенция, верхние слои других групп наемного труда и т.д.), к сожалению, в российском обществе ни по своему статусному, ни

по своему материальному положению не могут претендовать на позицию в нем. Сказанное и позволяет нам определить криминализацию современного российского общества как весьма специфичную форму такого социального феномена, как аномия» [14].

Аномия — это удел не только обездоленных и обедневших. Культурная травма поразила все общество, хотя и в разных формах. Социологи единодушно отмечают, что чувство острой несправедливости и беспомощности охватило все социальные слои, хотя проявления могут быть различны. Однако аномия представителей высшего среднего класса и богатых исследуется как особый феномен. Для ее проявления предложен термин парааномия. С.А. Кравченко считает даже, что ее изучение позволяет обосновать новую социологическую парадигму — настолько важные явления обнаруживаются при этой разновидности аномии. Эту разновидность он называет играизацией.

С.А. Кравченко пишет: «Играизация представляет собой внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет формироваться новому типу социальной адаптации в условиях парааномии. В отличие от классической аномии, новых форм социальной патологии, возникших как результат „конкретного сочетания сил аномии и развития“, парааномия предполагает стирание принципиальных различий между объективной и субъективной реальностью, нарушение целостного мира смыслов, размывание идентичностей, культурных целей и, соответственно, институциональных средств их достижения» [15].

Возникновение этой новой формы аномии С.А. Кравченко связывает с кризисом современного индустриального общества (модерна) и его травмирующей трансформацией в постиндуст-

риальное общество. Этот переход сопровождается резким усложнением общественных структур и процессов, что усиливает культурную травму, которую испытывают предприниматели и менеджеры высшего звена, а также молодая элитарная интеллигенция.

Он пишет: «Современный мир и Россия входят в новую историческую эпоху, для которой характерны не только невиданные ранее социальные и культурные реалии, но и главное — особый механизм их развития... При переходе обществом определенного порога развития (таким порогом является вступление в фазу постмодерна) беспрецедентно возрастает сложность социокультурных структур, качественно увеличивается их внутренняя саморефлексия, что проявляется в утрате гомогенности, стабильности, возрастании непредсказуемых флуктуаций...»

Чувство острой несправедливости и беспомощности охватило все социальные слои.

Одной из коллективных реакций (при этом весьма существенной) на эти жизненные новации становится играизация... Используя терминологию Ж. Бодрийера, можно сказать, что парааномия — это мир симулякров и симуляций, мир, в котором уничтожается соотношение знаков и слов с истинным положением дел. При этом общественная жизнь в целом все более приобретает хаотическое содержание, находящееся в процессе самоорганизации... Парааномия возникает, когда начинает размываться само представление о нормативности и девиации. Она естественное состояние общества постмодерна. В этом направлении, нравится нам это или нет, развивается и российское общество» [15].

С.А. Кравченко описывает проявления парааномии в политике, финансовой деятельности, управ-

лении, СМИ, искусстве. Известные нам патологии этих сфер хорошо укладываются в предложенную модель. Можно сказать, что речь идет об аномии элитарных слоев, но воздействие этой аномалии на общество в целом также велико.

Он пишет: «Благодаря играизации социальное взаимодействие людей все больше разделяется во времени и пространстве. Межличностные связи освобождаются от зависимости внешних факторов — традиций, родства, материального обеспечения... Под влиянием симулякров и симуляций в игризованном обществе стираются различия между китчем и высоким искусством... В итоге современные россияне входят в культурный мир, в котором китч и высокие эстетические ценности трудно различить. Интимность, секс и сексуальность также оказались подвержены играизации... Российские уличные и газетные рекламы

предлагают круглосуточный досуг, стриптиз, сексуальную релаксацию на любой вкус...

Играизация — новая, формирующаяся парадигма рациональности, позволяющая в предпринимательстве, политике, культуре и даже личной жизни противостоять давлению хаоса.

Играизация сопутствует регрессии — переход к более низким, упрощенно-примитивным социальным действиям, что так или иначе способствует воспроизводству деструктивности. Регрессия может проявляться в самых разных формах — увеличении потребления алкоголя, табачных изделий, наркотиков, а также в том, что люди испытывают тягу к социальным действиям, связанным с повышенными рисками и мистикой. Регрессия проявляется и в том, что индивиды преступают порог доз-

воленного: пренебрегают правилами безопасности, нарушают законы, во имя политиканских амбиций и коррупционных целей приносят в жертву права и свободы, а то и судьбы других людей, равно как и свою жизнь. Словом, совершают массу действий с явно иррациональным компонентом.

Возникает социальный тип авантюриста, движимый жадной игровой страсти, успеха любой ценой. Вместе с тем многие люди начинают ощущать себя марионетками. Есть опасение, что авантюристский и марионеточный типы людей могут распространяться в России как прямое следствие игризации. Индивид практически утрачивает внешние опоры, детерминирующие его поведение (авторитет, традиции, веру). Возникает дезориентированность, источник которой — разрыв преемственности, а также социальных и культурных традиций. В результате неуверенность, тревога становятся спутниками жизни игризированного индивида, а субъективные кризисы, безрассудство, проявления деструктивности превращаются чуть ли не в норму.

Для игризированной ментальности характерен невиданный

ранее индивидуализм, нравственная и моральная всеядность. Исчезает такое явление, как универсальная, общая для всех мораль. Соответственно, индивиды перестают быть плохими или хорошими, они становятся «морально амбивалентными». Прошлый опыт мало значит для игризации.

Ныне игризация в нашей стране не встречает серьезного противодействия — распространяются ее наиболее антигуманные формы, поощряющие социальную безответственность по принципу „после нас — хоть потоп“, жажду легкой наживы. Разумеется, индивиды с игризированной ментальностью не приемлют долгосрочной стратегии развития общества. ...Подобно макдональдизации, игризация порождает иррациональную рациональность. Люди, участвующие в игризированной деятельности, по существу низводятся до технических ресурсов, что так или иначе способствует дегуманизации человеческих отношений» [13].

Такое состояние сознания и всей духовной сферы больших масс населения на всех этажах социальной иерархии — тяжелая национальная болезнь. Подрывая всякую возможность рационального общественного диалога и преемственности поколений, она уже стала фундаментальным ограничением любых проектов восстановления и развития.

Эта общая беда должна стать одним из приоритетных пунктов в национальной повестке дня. Культурная травма реформ и рожденная ими аномия не вылечиваются сами собой, эти повреждения вошли в режим самовоспроизводства, разрушающий любые зародыши нового порядка в хаосе наших реформ. Избавиться от этой патологии можно только через большой национальный проект и государственную программу лечения и реабилитации общества.

Литература

1. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // СОЦИС. 1992. № 5.
2. Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // СОЦИС. 1995. № 6.
3. Штопка П. Социальное изменение как травма // СОЦИС. 2001. № 1.
4. Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС. 2009. № 9.
5. Мягков А.Ю., Смирнова Е.Ю. Структура и динамика незавершенных самоубийств: региональное исследование // СОЦИС. 2007. № 3.
6. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // СОЦИС. 2004. № 3.
7. Александровский Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС. 2010. № 4.
8. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // СОЦИС. 2010. № 1.
9. Трубицын Д.В. «Модернизация» и «негативная мобилизация»: конструкты и сущность // СОЦИС. 2010. № 5.
10. Иванова В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. 2005. № 2.
11. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // СОЦИС. 2009. № 3.
12. Горшков М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // СОЦИС. 2009. № 7.
13. Хагуров А.А. Земельная реформа на Кубани: региональный срез // СОЦИС. 2004. № 5.
14. Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества // СОЦИС. 2004. № 3.
15. Кравченко С.А. Игризация российского общества. К обоснованию новой социологической парадигмы // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

ПЭС 11055/20.04.2011